

Аргументы и факты в Туле. – 2016. – № 33. – 17 августа. – С. 3.

Мать инвалида о бутафорской ливнёвке, дорогах и знаках судьбы.

Четыре года назад Валентина Янкина вместе с мужем и сыном-колясочником переехала из квартиры на шестом этаже в дом, который пришлось купить в ипотеку: таскать сына, который весит более 100 кг, ни она, ни муж уже не могли.

Он дышит!

– Валентина Анатольевна, пять лет назад ваш сын стал инвалидом. Жизнь пошла под откос?

– Серёжа выпал с балкона около двух ночи. Из больницы мне позвонили спустя пару часов. Я приехала и увидела, что сын в полубморочном состоянии, просит воды, под головой лужа крови. Мне было дурно, но жизнеутверждающе звучало: «Он жив!». Врач говорил: ноги не реагируют, сын останется инвалидом на всю жизнь, но я как будто не слышала, ведь главное – дышит.

Потом начались бессонные ночи в душевой палате, где вместо восьми человек лежали 12

—
в нашем отделении тогда как раз проходил ремонт. Я делала Серёже массаж ног каждые полчаса. Убеждала сына, что жизнь продолжается. Но главное, что я в это сама верила, поэтому и сын поверил, и муж.

Саша в момент трагедии тоже был в больнице, скоро его выписали, и мы вместе отправились к Серёже. Перед тем как зайти, я сказала мужу: «Будь сильным, соберись и не смей давать слабину». И он не дал при сыне. Они поговорили, Саша вышел и закрыл лицо руками.

— Неужели вы не проронили ни одной слезинки?

— Много, но никогда в присутствии Серёжи. Наш уклад изменился.

Мы жили на улице Пузакова на шестом этаже. Серёжа сел в инвалидное кресло, и квартиры для нас стало мало, в доме никто не собирался устанавливать пандусы, постоянно ломался лифт, и взрослого мужчину нам приходилось самим поднимать. Решили купить дом, продали квартиру, взяли ипотеку. Вот теперь каждый месяц платим по 33 тысячи рублей.

— Сумма немаленькая, были какие-то накопления?

– Мы тратим на кредиты все три пенсии, поэтому муж работает на заводе. Серёжа выучился и устроился экспертом по безопасной среде в общество инвалидов, денежка небольшая, но все же. Главное, что для него это огромное подспорье.

Кстати, доступная среда у нас только развивается. Основная беда – дороги и подъезды для инвалидов. Взять даже наше село Высокое

–
место отличное, свежий воздух и до города недалеко, но там, где пешком ещё можно пройти, на коляске не проехать. Нет даже пешеходной дорожки, всё только для машин, хотя и водителям тут приходится не сладко.

В 2014 году сделали кусок дороги от Щегловской засеки до памятника, а дальше ямы да ухабы – таксисты маршруток не горят желанием везти народ дальше, хотя маршрутки и пустили до нас.

– Чем вам помогает государство?

– Да мы как-то уже привыкли за 11 лет сами справляться. Получаем памперсы, недавно выдали раздвижные 13-килограммовые пандусы, вот ещё должны дать ступенькоход – и на том спасибо. Серёжа хотя бы сможет на второй этаж подниматься и спускаться во двор, и нам всё полегче с мужем.

–13 килограммов – ничего себе полегче...

– Это всё проще, чем таскать взрослого мужчину весом более 100 кг. Разве у нас есть выбор. Мы хоть с мужем на пенсии и сами с болячками. Но думать об этом некогда.

Трубные войны

– Судьба у вас нелегкая. Откуда берёте силы?

– Веровать надо, тогда будут и силы, и желание, и мечты. Мы можем делать что угодно, вот только это «всё» не должно вредить другому. Соседи у нас напротив привыкли жить по-своему, не думают ни о ком – до сих пор ругаемся из-за трубы и рва, который у нас выкопан. Дело в том, что дом наш стоит в низине, вся вода из села стекает сюда, и мы плывём. Нам вырыли ров, а соседи теперь его используют в своих целях. Вообще в селе нет нормальной ливнёвки – одна «бутафория». Надо укреплять её, а кто это делать будет?

– Зато у вас роща берёзовая красивая...

– Только она не у нас, а у хозяина загородного комплекса. Эту рощу ещё при Владимире Могильникове продали в частные руки, вот тут года два-три назад устраивали полигон, салюты пускали, оупен-эйры устраивали.

А ведь здесь – удивительное историческое наследие: сохранились окопы, доты, блиндажи. Можно было бы проводить экскурсии, организовать небольшой зоопарк для детей, зону отдыха для людей постарше.

– Это в вас говорит экскурсовод. А первое ваше образование, как я знаю, музыкальное.

– В 18 лет я окончила дошкольно-педагогическое училище и должна была по распределению ехать в область музыкальным работником в детский сад. Но тут случилась любовь. 12 апреля 1973 года мы должны были подать заявление в загс, но моя преподавательница Александра Васильевна Нестеренко говорит: «Валь, ну вот ты замуж выйдешь, будешь беременная, и куда тебе с животом-то мотаться в общественном транспорте каждый день. Давай-ка подавай заявление сейчас». Я бегом к будущему мужу, и подали пятого апреля, а там говорят: «Свободно только 22 июня». Ну что делать, согласились, вот так теперь всю жизнь и воюем. (Смеётся.) Мы поженились в 15.20, а дальше удивительные вещи происходили. У меня были тяжёлые первые роды, после понадобилось переливание крови - пониженный гемоглобин. Идёт переливание, я поднимаю глаза на бутылочку и читаю: «Солнцев. 22 июня, 15.20». То есть мужчина сдавал кровь в момент нашей с мужем росписи, чтобы я продолжала жить. Таких

случаев у меня немало, ведь на самом деле нас окружают знаки, которые мы просто не умеем расшифровывать. Вот Лев Толстой всю жизнь не любил железную дорогу – и где он умер?

– Хотите сказать, что каждый знает, что его ждёт?

– Мы собраны на земле не просто так. Наши испытания – это проверка, шанс доказать, что ты живёшь не зря. Каждый должен знать

–
человек может надеяться на что угодно, важно, что он для этого сделал сам.

Испытания – шанс доказать, что живешь не зря.

Досье. Валентина Анатольевна Янкина родилась в Туле 13 ноября 1954 года. Окончила педагогическое училище. Работала на заводе «Тулатормаш» председателем культмассовой комиссии, экскурсоводом, с 1993 года поёт в храмах. Замужем, воспитала двух детей.

А. Позднякова, фото автора.

{jcomments on}